

ГЕРМЕНЕВТИКА И ПСИХИЧЕСКИЙ СКЛАД

Владимир ОВСЯННИКОВ (Запорожье, Украина)

Герменевтичний рух спостерігається в перекладі тих жанрів, які потребують нібито орієнтації на максимальну еквівалентність. Цей рух є можливим за умовою присутності єдиного психічного типу адресанта, перекладача і адресата.

The hermeneutic motion is observed in the translation even of those genres that seem to require the maximum use of equivalence. This motion is possible within the framework of the same psychological type shared by the addresser, the translator and the addressee.

В настоящей статье герменевтика (искусство толкования) рассматривается в переводческом контексте. Цель статьи – представить неизбежность герменевтических решений в таком жанре, который, казалось бы, максимально ограничивает выбор переводчика: в цитации.

В качестве иллюстрации предлагается фрагмент из интервью французского министра иностранных дел **Бернара Кушнера** (опубликовано на сайте euronews.net). Исходным текстом, таким образом, является **французский**. Анализируемые тексты перевода – **русский, английский, немецкий и испанский**.

Для целей предлагаемого исследования существенными являются следующие теоретические положения:

1. Герменевтический подход в переводоведении противопоставляется инструментальному. Первый подчёркивает разницу между языками, второй – их сходства. В первом исповедуется стратегия остранения (называемая также стратегией Шлейермахера), во втором – стратегия одомашнивания (называемая также стратегией Горация). Инструментальный подход безраздельно господствовал в переводе до 19 столетия. Противопоставление этих подходов в значительной мере определяет состояние дел в современном переводоведении, интересы которого давно уже вышли за пределы описания собственно лингвистических соответствий:

«When juxtaposed with the Schleiermacher model, the Horace model helps us to ask the fundamental questions in the analysis of translations, questions that deal with the **relative power and prestige** of cultures, with matters of **dominance, submission, and resistance**. It should be stressed that these questions need to be answered in the translating of all kinds of texts and the analysis of all kinds of translations» [2: 8 – выделено мною – В. О.].

2. Под влиянием полевых исследований антропологов (в особенности, американских) сложилась система взглядов, отрицающая возможность перевода между далёкими культурами вообще:

«If we don't really know how to characterize the beliefs of the person from our own culture with odd beliefs about sexuality, how can we be able to say clearly what Tibetans believe about lamas having sex when they say that "all the details of the affair, including the sex act itself, are an illusion; phantom activities of a phantom body in which the true body is not involved"» [3: 56].

Вместо перевода предлагается «контекстуализация» понятия, представляющего неперевоаемый концепт. Так, на микронезийском острове Ифалук самой важной эмоцией считается загадочная "фаго", которую можно описать как одновременно сострадание, любовь и печаль. Причем противоположная эмоция, называемая знакомым нам словом "кхер" и являющаяся сочетанием счастья и возбуждения, считается у ифалукцев опасной и антиобщественной. "Кхер" – нехорошая эмоция. Более того, ни "фаго", ни "кхер" нельзя проявлять интенсивно, бурное проявление любых чувств плохо влияет на окружающих и не одобряется. Предлагая богатую выборку примеров контекстуализации "фаго", Кэтрин Лутц добивается «пересадки» концепта на почву европейской культуры [3, 60].

3. Близкие культуры, напротив, имеют массу языковых параллелей, которые обнаруживают тенденцию к увеличению с ростом разнообразных связей народов. Так, общность рассматриваемых в статье языков (английского, русского, французского, немецкого и испанского) объясняется европейским психическим складом:

«Хотя языки народов, отмеченных этой общностью, и различны по происхождению, они всё же обнаруживают явные черты семейного сходства. Объясняется это тем, что сами народы имеют множество точек соприкосновения в повседневном быту, в общественном устройстве, в духовной жизни. Книга и периодическая печать являются живыми символами

и могущественнейшими факторами этого сближения. Сходные вещи не могут быть выражены слишком различными способами: духовная общность отражается в языке и в отношениях между языком и мышлением» [1: 40 – 41].

4. Даже между культурами, связанными европейским психическим складом, языковые контакты носят форму не мирного сотрудничества, а ожесточённой конкуренции дискурсов:

«... even among “equal” languages (выделено мной – В. О.) such as English and French, the current global cultural wars between Anglophone and Francophone worlds of influence and domination is approaching a state of semi-inequality» [6: 38–39].

Французский оригинал: *Vous savez, c'est facile de considérer que c'est un échec surtout (1) quand on ne fait rien. Et la seule qui a fait quelque chose (2), c'est l'Union Européenne et évidemment la Russie et la Géorgie qui ont participé (3). Oui, on peut dire (4) que c'est un demi-succès, on peut dire aussi, quand on est pessimiste, que c'est un demi-échec. Moi, je (5) préfère demi-succès (6).*

Русский перевод: *Вы знаете, очень просто говорить о провалах, когда ничего не делается. И единственный, кто что-то сделал (2) – это Европейский союз, и, конечно, Россия и Грузия, принимавшие в этом участие (3). Да, мы можем назвать (4) это половинным успехом, и, если мы смотрим на это пессимистично – можно назвать полупровалом, но я (5) предпочитаю полууспех (6).*

Английский перевод: *You know, it's easy to consider it a failure, especially (1) when you've done nothing. And the only one who did anything (2) was the European Union, and obviously Russia and Georgia. Yes, you could say (4) it was a semi-success. You could also say, if you're a pessimist, that it was a semi-failure. For me (5), I prefer semi-success (6).*

Немецкий перевод: *Sehen Sie, einen Misserfolg zu konstatieren ist einfach – besonders (1), wenn man selbst nichts tut. Hier hat nur die EU etwas unternommen (2). Ja, man kann sagen (4), das ist ein halber Erfolg. Oder, wenn man Pessimist ist, ein halber Misserfolg. Ich persönlich (5) sehe es als halben Erfolg (6).*

Испанский перевод: *¿Sabe usted? Es fácil considerarla un fracaso, sobre todo (2) para quienes no han hecho nada. El único en actuar ha sido (2) a Unión Europea, y evidentemente, Rusia y Georgia. Sí, podemos decir (4) que es un “semi-éxito” también, siendo pesimistas que es un “semi-fracaso”. Yo (5) prefiero “semi-éxito” (6).*

Комментарий

Выделенные единицы представляют собой, с одной стороны, факультативные отступления от оригинала в текстах перевода, демонстрирующие ту фазу герменевтического акта, которая называется «инкорпорацией» в терминологии Стейнера [5] и влечёт применение стратегии одомашнивания. С другой стороны, среди выделенных единиц есть такие, которые демонстрируют герменевтическую фазу «подчинения».

1. *surtout* - ... - *especially* – *besonders* - *sobre todo*

В русском переводе – факультативное опущение. Все остальные воспроизводят оригинал.

2. *Et la seule qui a fait quelque chose* - *И единственный, кто что-то сделал* - *And the only one who did anything* - *Hier hat nur die EU etwas unternommen* - *El único en actuar ha sido*

Эмфатическую структуру оригинала воспроизводят все языки, но в немецком она проявляется только на лексическом уровне: *nur*. Десемантизированное наречие *hier* вместе с инверсией изменяет актуальное членение оригинала так, что эмфаза приходится на глагол, а не на *EU*.

3. *qui ont participé* - *принимавшие в этом участие* - ... - ... - ...

Английский, немецкий и испанский варианты опускают данную единицу оригинала, рассматривая её, очевидно, как тавтологическую.

4. *on peut dire* - *мы можем назвать* - *you could say* - *man kann sagen* - *podemos decir*

Неопределённо-личная конструкция воспроизводится буквально в немецком переводе. В русском и испанском вместо третьего лица единственного числа возникает первое лицо множественного, в английском – второе лицо с уменьшением вероятности действия: *could* вместо *can*.

5. *Moi, je – я - For me, I - Ich persönlich - Yo*

В русском и испанском переводах наблюдается нейтрализация эмфатической конвергенции местоимений оригинала. В русском существует выражение близкое немецкому *Ich persönlich*: *лично я*. В испанском эмфатическая форма близка французской *Moi, je*. Сравните нейтральное *me gusta el vino* (мне нравится, я люблю это вино) и эмфатическое *a mí me gusta el vino* (мне **лично** нравится, я **лично** люблю это вино).

6. *demi-succès - полууспех - semi-success - halben Erfolg - "semi-éxito"*

Полное совпадение номинативной модели во всех текстах перевода. «Подчинение» объясняется в данном случае тем, что *demi-succès* противопоставляется *demi-échec*. Характер единицы перевода – стилистическая транслема (антитеза) – вынуждает переводчика обратиться к стратегии «подчинения», потому что любые творческие изменения здесь исключаются из-за опасности утраты важной составляющей подтекста: переговоры не были напрасными.

Выводы

1. Роль герменевтики в переводе цитации в виде «одомашнивания» должна приближаться к нулю. Гибридизация текстов перевода цитации транскрипцией, заимствованиями и калькированием (чужой картиной мира) является предсказуемой, логичной и неизбежной в силу стилистических особенностей жанра, требующих максимального уважения к тексту оригинала. Однако, выясняется, что «область вкуса» - *taste area* в терминологии Ньюмарка [4: 68] занимает значительное место в переводах.

2. Факультативные преобразования в цитации из «области вкуса» являются выразительным знаком присутствия личности переводчика в тексте перевода и результатом интерпретации (герменевтических действий переводчика). Такое явление – факультативные преобразования в «области вкуса» – наблюдается между близкородственными языками народов, обладающих одним психическим складом. Один психический склад является тем фактором, который обеспечивает герменевтические движения переводчика в цитации, где, по определению, должен, казалось бы, безраздельно господствовать инструментальный подход. Единство психического склада обозначенных языков объясняет также то обстоятельством, что конкуренция дискурсов в близкородственных языках носит острую форму.

3. Герменевтическая фаза «подчинения» отчётливо проявляется в переводе стилистических единиц (антитезы в нашем случае). Данная фаза является аналогом стратегии контекстуализации, использованной Кэтрин Лутц, но имеет прямо противоположное языковое воплощение: буквализацию, которая является возможной между языками, связанными одним психическим складом.

4. В свете исследований антропологов в области далёких для нас культур можно предположить, что как при переводе с языков «европейского психического склада» на языки неевропейского психического склада, так и при переводе в обратную сторону собственно перевод (т. е. преобразование знаков одного языка в знаки другого) невозможен. В этом случае как герменевтические действия в фазе «подчинения», так и герменевтические действия в фазе «инкорпорации», должны сопровождаться громоздкой техникой контекстуализации, которая позволяет воссоздать чужеродный концепт во всём своеобразии его семантических, стилистических и прагматических зависимостей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Балли, Шарль. Французская стилистика (перевод с французского К. А. Долинина). – М.: Иностранная литература, 1961. – 395 с.
2. Bassnett, Susan and Lefevere, Andre. *Constructing Cultures: Essays on Literary Translation*. - Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg: Multilingual Matters LTD, 1998. – 143 p.
3. Jones, Todd. *Translation and Belief Ascription: Fundamental Barriers* // *Translating Cultures: Perspectives on translation and anthropology*. Ed. by Paula G. Rubel and Abraham Rosman. – Oxford and New York: Berg, 2003. – P. 45 – 73.
4. Newmark, Peter. *A Textbook of Translation*. – Longman, 2003. – 292 p.
5. Steiner, George. *After Babel: Aspects of Language and Translation*. – Oxford and New York: Oxford University Press, 1998. – 538 p.
6. Yengoyan, Aram A. *Lyotard and Wittgenstein and the Question of Translation* // *Translating Cultures: Perspectives on translation and anthropology*. Ed. by Paula G. Rubel and Abraham Rosman. – Oxford and New York: Berg, 2003. – P. 25 - 43.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Овсянников – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Запорожского национального университета.

Научные интересы: герменевтика.